

УСАДЬБЫ МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ

ГЕОРГИЙ БЛЮМИН

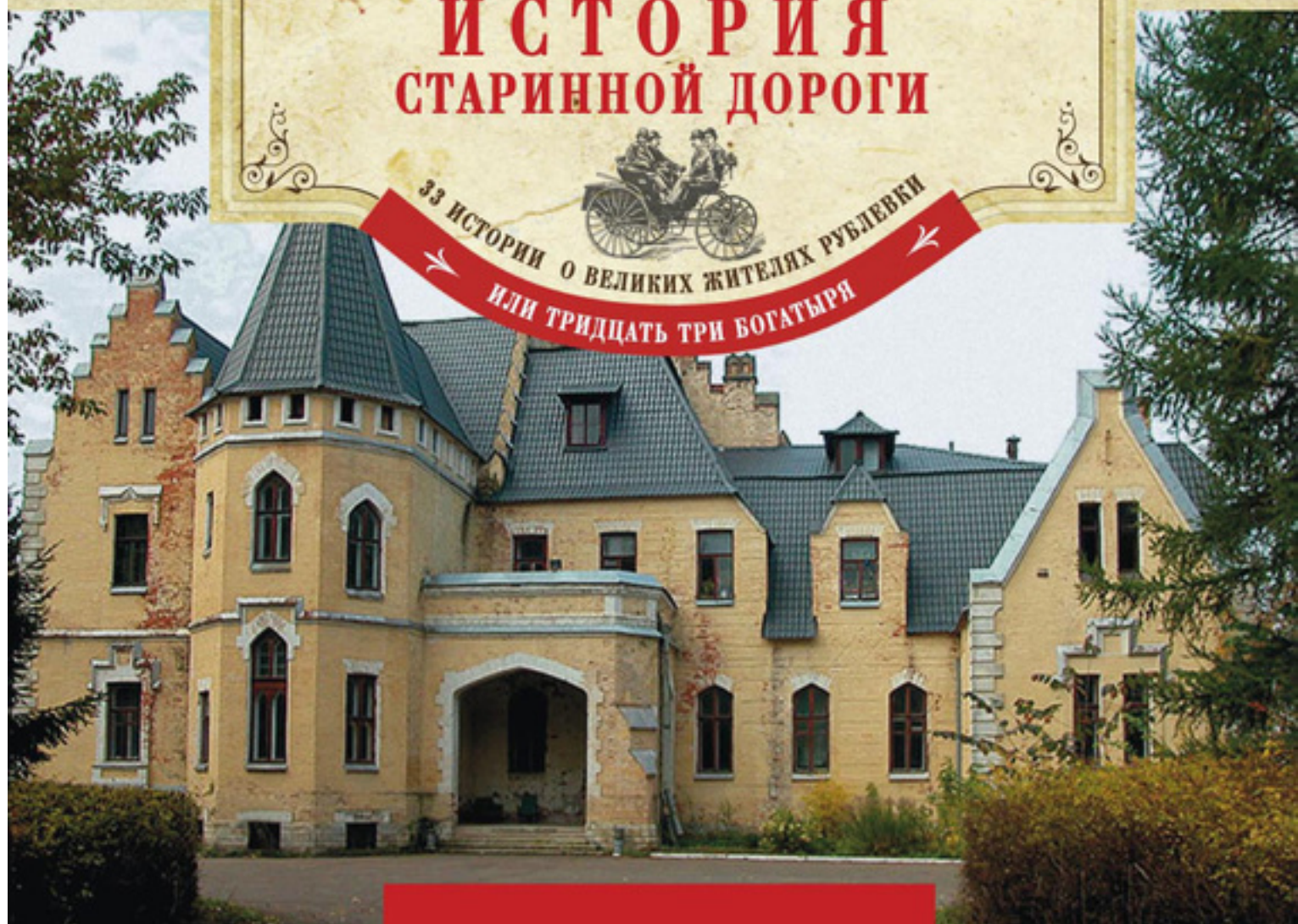
Рублевка

СКРЫТАЯ ОТ ПОСТОРОННИХ ГЛАЗ

ИСТОРИЯ СТАРИННОЙ ДОРОГИ

33 ИСТОРИИ О ВЕЛИКИХ ЖИТЕЛЯХ РУБЛЕВКИ
ИЛИ ТРИДЦАТЬ ТРИ БОГАТЫРЯ

Усадьбы Москвы и Подмосковья

Георгий Блюмин

**Рублевка, скрытая от посторонних
глаз. История старинной дороги**

«Центрполиграф»

2015

Блюмин Г. З.

Рублевка, скрытая от посторонних глаз. История старинной дороги
/ Г. З. Блюмин — «Центрполиграф», 2015 — (Усадьбы Москвы
и Подмосковья)

Новая книга Георгия Блюмина продолжает тематику предыдущих книг этого автора, посвященных историческим реалиям. Автор в свойственной ему манере захватывающего поэтического повествования рассказывает о необыкновенной истории, казалось бы, самых обыкновенных сел и деревень северо-запада и запада Подмосковья. Речь идет не только о замечательной истории этих мест, но и, главным образом, о ярких личностях, творивших эту историю.

© Блюмин Г. З., 2015

© Центрполиграф, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть I. Северо-Запад. Родина «Евгения Онегина»	16
1. Дельвиг и Чаадаев в Александровке	16
2. Великолепное Веледниково	29
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Георгий Блюмин

Рублевка, скрытая от посторонних глаз. История старинной дороги

© Г.З. Блюмин, 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

*То было в давние года,
Когда в Москве-реке вода
Стояла вровень с берегами,
Вздываясь грозными волнами.
И славной пушкинскою сказкой
На взгорье блещет храм Иславский, —
Все это отразилось в небе:
Прекрасная Царевна Лебедь,
И тридцать три богатыря
Вокруг нее сплоченной ратью
Стоят, ее родные братья,
Молитвы светлые творя.*

Г. Блюмин

Пролог

*Так сказочным становится рассказ,
Поведанный с любовью и талантом,
Так мастером огранный алмаз
Предстанет вдруг чудесным бриллиантом.*

Г. Блюмин

Годы жизни Александра Сергеевича Пушкина судьба распорядилась разделить на равные почти шестилетия. Великий поэт родился в Москве и первые шесть лет жизни (1799–1805) провел вместе с родными в Первопрестольной. Второе шестилетие жизни проходит в основном в подмосковном селце Захарове Звенигородского уезда, где мальчик Пушкин находится под опекой горячо любящей бабушки Марии Алексеевны. Этот период завершается в 1811 году, когда дядя Василий Львович увозит племянника на учение в только что открывшийся под Петербургом Царскосельский лицей. Здесь, в лицее, пройдет третье счастливое шестилетие (1811–1817) пушкинской жизни, о котором друг и ровесник Пушкина лицеист Антон Дельвиг напишет в выпускной лицейской кантате: «Шесть лет промчалось, как мечтанье».

Кстати, именно в альманахе А. Дельвига «Северные цветы» за 1829 год была опубликована повесть Пушкина «Уединенный домик на Васильевском», рассказанная поэтом «поздно вечером у Карамзиных к тайному трепету всех дам». Прочтем пушкинский текст: «...тут, при свете луны, он захотел всмотреться в жестяной билет извозчика и, к удивлению, заметил, что на этом билете не было означено ни части, ни квартала, но крупными цифрами странной формы и отлива написан был номер 666, число апокалипсиса, как он позднее вспомнил...»

Александра Филипповна Кирхгоф

Итак, в жизни минуло три шестилетия, три цифры 6, три шестерки стоят рядом – и рок уже готовит испытание для поэта. Оно явилось, как нам известно, в виде двух последовавших одна за другой ссылок. Заметим, что было в судьбе Пушкина шестилетие свободы от опеки родительской, наставнической, семейной, которое разделилось на две почти равные части: годы 1817–1820, когда после окончания лицея он живет в Петербурге, и годы странствий – 1827–1830. В 1819 году в столице Пушкин посетил известную гадалку немку Александру Филипповну Кирхгоф, предсказавшую поэту его судьбу. Прожив три шестилетия, Пушкин хотел знать свое будущее. Нам неведомо, как составляла этот астрологический прогноз

гадалка. Но если по датам рождения, то здесь много любопытного: Пушкин родился 26 мая 1799 года, сумма цифр, которыми записывается год рождения, $1+7+9+9$ – тоже 26; по новому стилю это 6 июня, то есть 6-е число шестого же месяца. Во времена Пушкина вся Европа уже жила по новому стилю.

Ссылка Пушкина длилась шесть лет (1820–1826): четыре года на юге и два года в селе Михайловском. Время, в течение которого поэт был мужем Натальи Гончаровой, составило тоже шесть лет (1831–1837). Новый цикл из трех шестилетий, вновь образующий число 666, увиденный на жестяном билете странного извозчика, завершается трагической гибелью поэта.

Когда я бываю в Петербурге, то всегда захожу во внутренний двор дома № 12 по набережной Мойки – дома, в котором умер Пушкин. Окна его последней квартиры – от ворот и до ворот на первом этаже, а над балконом – шесть пилястров, разделяющих окна верхних этажей, словно символ шести последних лет жизни, 1831–1837 годов...

Но возвратимся вновь в детские годы поэта, во второе шестилетие жизни Пушкина, в подмосковное село Захарово. Здесь нам неоценимую помощь окажут исследования профессора Николая Михайловича Коробкова (1897–1947), первого директора Института культурологии (ранее ЦНИИМКР – Центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой работы). Диапазон деятельности этого истинного труженика и мученика науки был чрезвычайно широк. Родился Н. М. Коробков в дворянской семье, окончил Московский императорский лицей памяти цесаревича Николая. Имел три совершенно разнохарактерных диплома о высшем образовании (юрфак МГУ, диплом археолога МАРХИ и филологический диплом Воронежского университета).

Дом Пушкина на Мойке. Фото В. Вельской

В 1922 году Н. М. Коробкова приговорили к высылке за границу на «философском корабле»; высылку отменили по причине тяжелой болезни (туберкулез). Николай Михайлович

увлекался египтологией, много работал в экспедициях: в Средней Азии, в Казахстане, в Ярославской, Рыбинской и Московской областях. Участвовал в строительстве московского метро, в 1935 году вышла его книга «Метро и прошлое Москвы». Изучал фортификационные сооружения в Москве и в области. 28 ноября 1947 года его назначили директором НИИ краеведческой и музейной работы, но проработал он лишь около месяца и умер в самый день своего рождения, 18 декабря того же года. Трижды подавали документы в ВАК на присуждение профессору Н. М. Коробкову ученой степени доктора наук и трижды ему в этом отказали по причине дворянского происхождения.

Несколько лет лежали неопубликованными прекрасные очерки профессора Н. М. Коробкова о литературных местах Подмосковья. Появились в печати они лишь в 1955 году в сборнике «Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX веков». Вот отрывок из очерка о пушкинском Захарове:

«Неподалеку от дома, расположенного на холме, раскинулась березовая роща, по середине которой когда-то стоял стол со скамьями вокруг. Здесь в хорошую погоду вся семья Ганнибалов (а следовательно, и гостивших у них Пушкиных) собиралась к обеду и чаю. Будущий поэт особенно любил эту рощицу и, как гласит местное предание, даже высказывал странное для ребенка желание быть здесь похороненным.

В одном из лицейских стихотворений («Послание к Юдину») Пушкин вспоминает об этой роще:

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено...

«Зерцало вод» представляло собой пруд, образованный благодаря плотине на речке Захаровке. Около воды некогда стояла огромная липа и около нее – полукруглая скамейка. Это и было любимым местом Пушкина-мальчика. Здесь, среди обаятельной подмосковной природы, в деревенской тиши, впервые проявился его могучий гений. Говорят, что березы, окружавшие старую липу, все были исписаны стихами юного поэта...»

Пруд в Захарове. *Фото В. Вельской*

Юный Пушкин в сопровождении бабушки Марии Алексеевны или няни Арины Родионовны совершал длительные прогулки и в окрестностях сельца Захарова. Целью странствий, пешком или в конном экипаже, был Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода. Всего в восьми верстах от Захарова лежит на правом высоком берегу Москвы-реки большое старинное село Иславское. Путь в Иславское от Захарова проходил через деревни Хлюпино и Чигасово. Особенно привлекательным выглядел Чигасовский лес с его таинственными негасимыми огоньками (чигас – в местных говорах огонь).

Вид Саввино-Сторожевского монастыря. 1860-е гг. *Художник Лев Каменев*

Тот факт, что Пушкин отчетливо запомнил эти места с детства, подтверждается его позднейшими сочинениями. Так, например, в «Борисе Годунове» владелица корчмы объясняет Григорию Отрепьеву по его просьбе дорогу: «...а там прямо через болото, на Хлопино, а оттуда в Захарьево...» А в повести «Барышня-крестьянка» из пушкинского цикла «Повести Белкина» горничная Настя рассказывает барышне о сельском празднике: «Были колбинские, захарьевские, приказчица с дочерьми, хлупинские...» Здесь прямо звучат названия этих подмосковных деревень: Хлопино – Хлюпино, Захарьево – Захарово.

Саввино-Сторожевский скит. *Фото В. Вельской*

Иславское – одно из древнейших сел Подмосковья, впервые упомянутое в летописях середины XIV века. Здешние курганы переносят нас в еще более давние времена – в середину первого тысячелетия нашей эры. До 1620 года Иславское было дворцовым селом. Уже тогда здесь стояла деревянная церковь Святого Георгия, окруженная 33 липами – по числу лет Христа. Шли годы, менялись владельцы села. Среди них видим бояр Морозовых, графов Апраксиных, дворян Дурново, военного губернатора Москвы И. П. Архарова. Церковь заново была отстроена в белом камне мастерами школы Казакова и освящена во имя Спаса Нерукотвор-

ного образа в 1799 году. Одно оставалось неизменным во все времена – окружение храма из 33 лип. Образ церкви-невесты рисует русский поэт Дмитрий Кедрин в своей поэме «Зодчие»: «Та церковь была, как невеста...»

Взамен отживших свой век деревьев подсаживали молодые, и в летнее время издалека привлекала взор огромная зеленая полусфера из сомкнутых крон деревьев, совершенно скрывавшая храм. А над нею, над этой зеленой, а по осени золотой полусферой сиял в небе золоченый крест. В таком виде храм дошел до наших дней, таким его увидел и мальчик Пушкин.

Иславское – от старославянского мужского имени Воислав, употребляемого, например, в Сербии и ныне. Словарь Даля дает несколько иное толкование, и оно очень любопытно, приближая нас к сельским народным обычаям. У Даля читаем: «*Выславлять* – славя, по обычаю, Христа о святках; в этом значении также *выславливать* – прославлять, восхвалять, превозносить; *выславной*, *выславленный* – добытый колядованием на Рождество Христово».

В далекие времена Москва-река была несравненно полноводнее нынешней и в отдельных местах своего течения достигала ширины до двух верст. Так, газета «Московские ведомости» от 11 апреля 1908 года сообщала: «...разлив Москвы-реки был необычайным. Вода, прибывающая с неимоверной быстротой, вышла из берегов и затопила все Дорогомилово, местность ниже Бабьегородской плотины – по Берсеневской и Кремлевской набережным, а также Александровский сад. Из Водоотводного канала она выливалась на Якиманку. Снесены ледоходом ферма с двумя устоями Комиссариатского моста, который в середине обрушился, ледорез у Малого Краснохолмского моста. От Большого Каменного до Чугунного моста залиты на 1,5 аршина набережные. Езда по конно-железной дороге и на лошадях прекра щена».

М. Ю. Лермонтов в штатском сюртуке. Художник П. Е. Заболотский

М. Ю. Лермонтов (1814–1841) нисколько не преувеличивал, когда рисовал в стихотворении «Отчизна», говоря о России, «разливы рек ее, подобные морям». Память юного Пушкина (а она всегда поражала современников) жадно впитывала рассказы бабушки и местных старожилов. Живыми образами рисовались в воображении и белокаменная церковь-лебедь со стерегущими ее тридцатью тремя богатырями. Я выскажу здесь смелое предположение, тем не менее имеющее полное право на существование. Через двадцать лет после отъезда из Захарова, уже в Царском Селе, в конце лета 1831 года А. С. Пушкин напишет свою «Сказку о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной Царевне Лебеди». В сказке этой оживут детские его воспоминания о посещениях подмосковного храма в Иславском:

Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге.
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,

Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.

Спасская церковь в Иславском словно сошла со страниц пушкинской сказки. Это теперь берег круто спускается к пойме обмелевшей реки. В давние времена бескрайняя речная гладь была подобна морю. Случалось, что здесь бушевали волны, подкатываясь к самому храму. Церковь уподоблялась прекрасной Царевне Лебеди, а окружающие ее деревья – тридцати трем богатырям, охраняющим ее покой. Царевна у Пушкина говорит князю Гвидону: «Эти витязи морские мне ведь братья все родные». В православном золотом кресте, венчающем храм, легко различим и блистающий месяц, и горящая на солнце звезда.

Тридцать три богатыря словно расходятся от храма в Иславском по недалеким окрестностям и превращаются в тридцать три рассказа этой книги. Для удобства прочтения все эти рассказы объединены в трех частях, по одиннадцать в каждой части. Они повествуют о подлинных духовных богатырях русской и мировой культуры: о Пушкине и Гайдаре, Дельвиге и Чаадаеве, Лермонтове и Чайковском, Чехове и Татищеве, Эйлере и Солари.

Спасский храм в с. Иславском. 1799 г.

Автор, завершая пространный пролог своей книги, приглашает читателя приступить к ее прочтению, вполне рассчитывая при этом на его благосклонность.

Часть I. Северо-Запад. Родина «Евгения Онегина»

*Здесь разом грусть сойдет с души,
Охваченной прекрасной песней,
И шорох шин не заглушит
Мелодий оперы чудесной.*

Г. Блюмин

1. Дельвиг и Чаадаев в Александровке

Сегодняшняя Александровка расположилась на 12-м километре Ильинского шоссе, вблизи скоростной трассы Новая Рига, на левом берегу Москвы-реки. Деревня почти вплотную примыкает к большому селу Ильинскому. Через Александровку проходит благоустроенная шоссейная дорога на Петрово-Дальнее, а в начале XVIII века территория современной Александровки входила в состав села Усова. Вместе с этим селом Александровка принадлежала бригадиру М. М. Матюшкину, родственнику лицеиста, а позднее адмирала русского флота Федора Матюшкина, друга А. С. Пушкина.

В те годы пустырь на северном (левом) берегу Москвы-реки выкупил в собственность обер-шталмейстер и камергер П. С. Сумароков. Новоприобретенное имение он заселил крестьянами, выходцами из южных губерний России. По его же ходатайству здесь возвели каменную церковь. В архивах сохранилось прошение обер-шталмейстера о ее освящении, датированное 1773 годом. По-видимому, Сумарокову же Александровка обязана и своим названием, данным в честь родившегося в 1777 году наследника престола и будущего императора всероссийского Александра I.

Ильинский храм. Фото В. Вельской

После смерти Сумарокова в 1780 году село Александровка вошло в состав Ильинской вотчины и сделалось, таким образом, деревней. Церковь разобрали, а ее прихожан приписали к расположенному поблизости Ильинскому храму, построенному архитектором А. П. Евлашевым (учеником В. В. Растрелли) в стиле раннего барокко и освященному в 1740 году. В это же время Александровка упоминается как имение помещика Полтева.

Разноцветный ковер русской истории соткан из множества нитей. Стоит потянуть хотя бы одну из них, как на сцене появляются живые и разнообразные лица и события. С 1811 по 1845 год хозяином как Александровки, так и большого соседнего поместья Ильинское был граф и георгиевский кавалер, герой Бородинского сражения, генерал от инфантерии Александр Иванович Остерман-Толстой (1770–1857).

Александр Иванович Остерман-Толстой. 1825 г. Художник Дж. Доу

Затем хозяевами Александровки стали князя Голицыны и в их числе внука Кутузова княгиня Анна Матвеевна Голицына. Так было вплоть до 1864 года, когда Александровка, Ильинское и близлежащие деревни перешли в собственность императорской фамилии. Романовы владели этими местами до самой революции. Подолгу жили тут и многие деятели русской культуры. Это писатели И. И. Лажечников и С. Т. Аксаков, И. В. Киреевский и Т. Н. Грановский, поэты Н. М. Языков, А. И. Полежаев и К. Р. (литературный псевдоним великого князя Константина Романова). Уместно будет сказать несколько слов об истории здешнего парка, одного из красивейших в Подмосковье.

Вернувшись в свою усадьбу с полей сражений Отечественной войны, граф Остерман-Толстой велел засеять поле, отделявшее Александровку от реки, «земляным яблоком» – картофелем. Все бы ничего, да вот крестьяне воспротивились благородному начинанию настолько активно, что Александр Иванович принужден был отказаться от этой своей идеи. Появилась обширная пустошь, на которой вскоре разрослась молодая сосновая роща.

Парк в Ильинском. Флигель. *Фото В. Вельской*

Рошу затем превратили в усадебный парк. И теперь этот парк сохраняет свою первозданную прелесть, а под прямым углом к Москве-реке его пересекает живописный овраг, именуемый Елизаветинской долиной. Название – в честь жены графа Елизаветы Александровны. Здесь же уцелел Елизаветинский павильон – беседка-ротонда из восьми тосканских колонн начала XIX века. В беседке графиня любила отдыхать. Сам же граф А. И. Остерман-Толстой зачастую и надолго выезжал за границу, и тогда помещения и в Ильинском, и в Александровке сдавались в аренду состоятельным дачникам.

Принадлежность усадьбы императорской фамилии (а в Ильинском многие годы проводила лето императрица Мария Александровна, жена Александра II) объясняет тот факт, почему в Александровке квартировали матросы Гвардейского экипажа гребных лодок на Москве-реке, а также петербургские полицейские и конвойные казаки.

Впоследствии посещали этот край многие яркие персонажи советской истории. Вплоть до 1938 года в Александровке в редкие свободные дни отдыхал на даче знаменитый летчик-испытатель, комбриг, Герой Советского Союза Валерий Павлович Чкалов (1904–1938). В конце 1950-х годов здесь жил и работал писатель Александр Бек, автор повести «Волоколамское шоссе». В 1970-х годах тут можно было встретить поэтов Булата Окуджаву и Бориса Слуцкого. Любила эти места и замечательная русская певица Лидия Андреевна Русланова. Здесь же снимался фильм «Москва слезам не верит».

Петр Яковлевич Чаадаев. 1823 г. *Рисунок Ж. Вивьена*

Писатель-литературовед В. В. Вересаев (1867–1945), работавший неподалеку от Александровки в поселке Николина Гора над своим двухтомным сочинением «Спутники Пушкина», в обширной главе, посвященной другу Пушкина Петру Чаадаеву (1794–1856), возвращает нас в век XIX:

«Обязательный врачебный надзор, которому был подвергнут Чаадаев, через год был снят, но запрещение писать осталось в силе. После истории с напечатанием его «Философического письма» Чаадаев прожил двадцать лет.

Жил он все время на Новой Басманной, во флигеле дома, принадлежавшего его друзьям Левашовым; остался там жить, когда дом был продан другому лицу. Флигель с годами пришел в полную ветхость, покосился. Но Чаадаев продолжал жить в нем до самой смерти и не давал хозяину возможности ни перекрасить полы квартиры, ни поправить печи. Он и лето проводил в Москве, отказывался даже на день, на два посетить знакомых на даче или в подмосковной. Вел жизнь точно размеренную; в определенные часы гулял, в определенные дни бывал в Английском клубе, сидел там всегда на диване в маленькой каминной гостиной; если находил свое место занятым, выказывал явное неудовольствие. У кого бы ни был в гостях, каков бы ни был интересный разговор, ровно в половине одиннадцатого прощался и уходил. Обедал всегда в том же ресторане Шевалье.

Чаадаев принимал у себя по понедельникам от часу до четырех дня. В трех маленьких комнатах его флигеля собирался весь цвет московской и приезжей интеллигенции...»

Интересно, между прочим, что у Чаадаева, как у многих людей, сильно живущих умственной жизнью, было совершенно атрофировано половое влечение, у него за всю жизнь не было ни одного романа с женщиной, не было даже мимолетной связи. Реальной жизнью он совершенно не интересовался и проявлялся в ней с крайней наивностью. В начале 1850-х годов он говорил доброму своему приятелю, начальнику московских водопроводов: «Решительно не могу понять вашего здесь назначения: я с ребячества жил в Москве и никогда не чувствовал недостатка в хорошей воде; мне всегда подавали стакан чистой воды, когда я этого требовал».

Мне пришлось немало потрудиться в архивах, чтобы выяснить, а кто же был этот добрый приятель Чаадаева. Оказалось, что речь идет о сенаторе, инженер-генерале бароне Андрее Ивановиче Дельвиге (1813–1887). Именно им внесен наибольший вклад в устройство водопроводных систем Москвы. Он усовершенствовал Мытищинский водопровод, который по его имени стал называться Дельвиговским.

Портрет военного инженера А. И. Дельвига. *Художник И. Репин*

А. И. Дельвиг приходился двоюродным братом лицейскому другу А. С. Пушкина, замечательному русскому поэту Антону Антоновичу Дельвигу (1798–1831). Инженер-генерал оставил интересные мемуары «Мои воспоминания» и научный труд «Руководство к устройству водопроводов» (1857), за который был удостоен Демидовской премии Петербургской академии наук. А. И. Дельвиг любил цитировать стихи своего брата-поэта перед чиновниками водопроводного ведомства, которое он возглавлял, читал, например, лицейское стихотворение Антона Дельвига 1815 года:

Под фиалкою журчит
Здесь ручей серебристый,
Ранним днем ее живит
Он струею чистой.

Но от солнечных лучей
Летом высохнет ручей.

«Вот видите, господа, – заключал свое чтение барон Дельвиг. – Ручей высохнет, и воды не станет. Чтобы уйти от этой беды, надо создавать для Москвы скопы воды и строить водопровод».

Одному из первых пришла ему мысль использовать поверхностные воды Москвы-реки для московских водопроводов. С этой целью А. И. Дельвиг приезжает летом 1838 года в Александровку. Это случилось вскоре после женитьбы Дельвига на Эмилии Николаевне Левашовой из семьи друзей Чаадаева. И Андрей Дельвиг приглашает Петра Чаадаева приехать к себе. Самое удивительное, что московский отшельник откликнулся на призыв приятеля. Визит Чаадаева в Александровку был кратким, но плодотворным. Вместе с Дельвигом они замеряют расход воды в реке, много гуляют. Может показаться странным, что щеголь и франт Чаадаев разделял с инженером Дельвигом его труды и досуг. Но, как гласит английская пословица, «What do not do for friends» – «Чего не сделаешь ради друзей».

Интересны эпизоды из биографии Андрея Ивановича Дельвига, рассказанные им в воспоминаниях. В 1840 году Дельвиг взялся за водоснабжение одного из крупнейших зданий Москвы – воспитательного дома. Тогда его вновь и вновь поражала необычайная сметливость простых русских людей, «особливо каменщиков и плотников». Одним из доказательств этого бесспорного положения был эпизод, когда безграмотный десятник каменщик Савелий очень толково и доходчиво разъяснял инженеру Дельвигу, как прокладывать внутри дома свинцовые трубы. Общее дело от этого значительно выиграло, а присутствующие и пребывавшие в тупике английские инженеры были несказанно поражены точности указаний русского каменщика.

25 июня 1852 года приказом тогдашнего министра путей сообщения графа Петра Андреевича Клейнмихеля А. И. Дельвига перевели в Москву и назначили директором московских водопроводов. Кроме того, Дельвиг находился в должности председателя архитектурного совета Комиссии по постройке храма Христа Спасителя, с 1852 по 1861 год.

Воспитательный дом. 1800-е гг. *Рисунок Ф. Алексеева*

В день, когда Андрей Иванович Дельви́г отмечал 50-летие своей службы в офицерских чинах, ему преподнесли в подарок серебряное ведро работы московского мастера Овчинникова. Ведро украшал барельеф: изба, а перед ней – телега, крестьянин, мальчик и две лошади. С другой стороны – гравированная надпись: «Глубокоуважаемому снабдителю Москвы здоровую водою Андрею Ивановичу барону Дельви́гу от Москвича, 1880 г.».

В Москве Дельви́г жил на Новой Басманной у жены своей, в доме Левашовых. Чаадаев, как об этом сказано выше, ютился во флигеле того же дома. По Москве ходило присловье:

Здесь по понедельникам
Вас принять готовы
Чаадаев с Дельви́гом
В доме Левашовых.

Петр Чаадаев в беседах с Дельви́гом вспоминает свое детство, когда он жил в подмосковном имении Алексеевском у своей тетки и воспитательницы княгини А. М. Щербатовой. Рассказывает о годах учения в Московском университете, где его товарищами были А. С. Грибоедов и Н. И. Тургенев. О том, как по окончании университета поступил на военную службу в лейб-гвардии Семеновский полк и участвовал в кампании Отечественной войны 1812–1814 годов, сражался в Бородинской битве и во многих других боях.

Александр Пушкин

Антон Дельвиг

Особенно памятни барону Андрею Дельвигу были рассказы Чаадаева о его службе в гусарском полку, стоявшем под Петербургом в Царском Селе. Именно здесь, в доме Карамзина, он подружился с лицеистом Пушкиным. Великий поэт упомянет Чаадаева в романе «Евгений Онегин», посвятит ему ряд стихотворений и в их числе это, знаменитое: «Товарищ, верь: взойдет она, звезда пленительного счастья...»

То было золотое время лицей; Пушкин с жадностью впитывал блестящие философские идеи гусарского офицера, которого товарищи называли на французский манер «le beau Tchadaef». Ряд пушкинистов сходятся во мнении, что беседы с Чаадаевым больше способствовали образованию и общему развитию Пушкина, чем вся лицейская наука. В числе слушателей Чаадаева был, разумеется, тоже тогдашний лицеист и ближайший друг поэта Антон Дельвиг. К царскосельским временам относится известное пушкинское четверостишие «К портрету Чаадаева»:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;

Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он – офицер гусарский.

А вот юношеское признание самого Пушкина в одном из его стихотворных посланий к Чаадаеву:

Ты был целителем моих душевных сил;
О, неизменный друг, тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный судьбою,
И чувства, может быть, спасенные тобою!
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял ее советом иль укором;
Твой жар воспламенял к высокому любовь;
Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
Уж голос клеветы не мог меня обидеть:
Умел я презирать, умея ненавидеть.

В «Евгении Онегине» Пушкин так пишет о Чаадаеве, сравнивая его с героем своего романа:

Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.
Он три часа, по крайней мере,
Пред зеркалами проводил...

Биограф Чаадаева пишет: «Когда-то Чаадаев был очень богат; общее его с братом имущество оценивалось в миллион рублей. Но Чаадаев не любил в чем-нибудь себе отказывать; прожил свою долю, прожил два полученных наследства. Брат долго помогал ему, но, наконец, отказался. Чаадаев занимал деньги направо и налево, за квартиру не платил, но нанимал помесечно элегантный экипаж, держал, помимо другой прислуги, камердинера, которому дозволялось заниматься только чистой работой, – даже сапоги этому камердинеру чистил другой служитель. Перчатки Чаадаев покупал дюжинами. Наденет одну перчатку, найдет, что она недостаточно элегантна, и отдаст всю дюжину камердинеру».

В Александровке П. Я. Чаадаев работал над «Апологией сумасшедшего». Апология – речь в защиту самого себя. От чего? От обвинения в сумасшествии – ярлык, приклеенный Чаадаеву официальными властями. Он называл себя «философом женщин», его самого именовали «богатырем философии». Дамы носили его на руках. К условному адресату – даме обращается Чаадаев в своих религиозно-философских письмах. Одно из этих «Философических писем» в 1836 году опубликовал в своем журнале «Телескоп» литературный критик и профессор Московского университета Н. И. Надеждин (1804–1856). В публикации нашли столь много крамольного, что Надеждина сослали в Усть-Сысольск, цензора уволили, а Чаадаева объявили сумасшедшим. В «Апологии сумасшедшего» он, в частности, отмечает, имея в виду свое письмо в «Телескопе»: «Может быть, преувеличением было опечалиться на минуту о судьбе народа, из недр которого вышли могучая натура Петра Великого, всеобъемлющий ум Ломоносова и грациозный гений Пушкина».

А. С. Пушкин расходился с Чаадаевым в оценке исторического прошлого и будущего России. В своем письме из Петербурга в Москву к Чаадаеву от 19 октября 1836 го да, в день

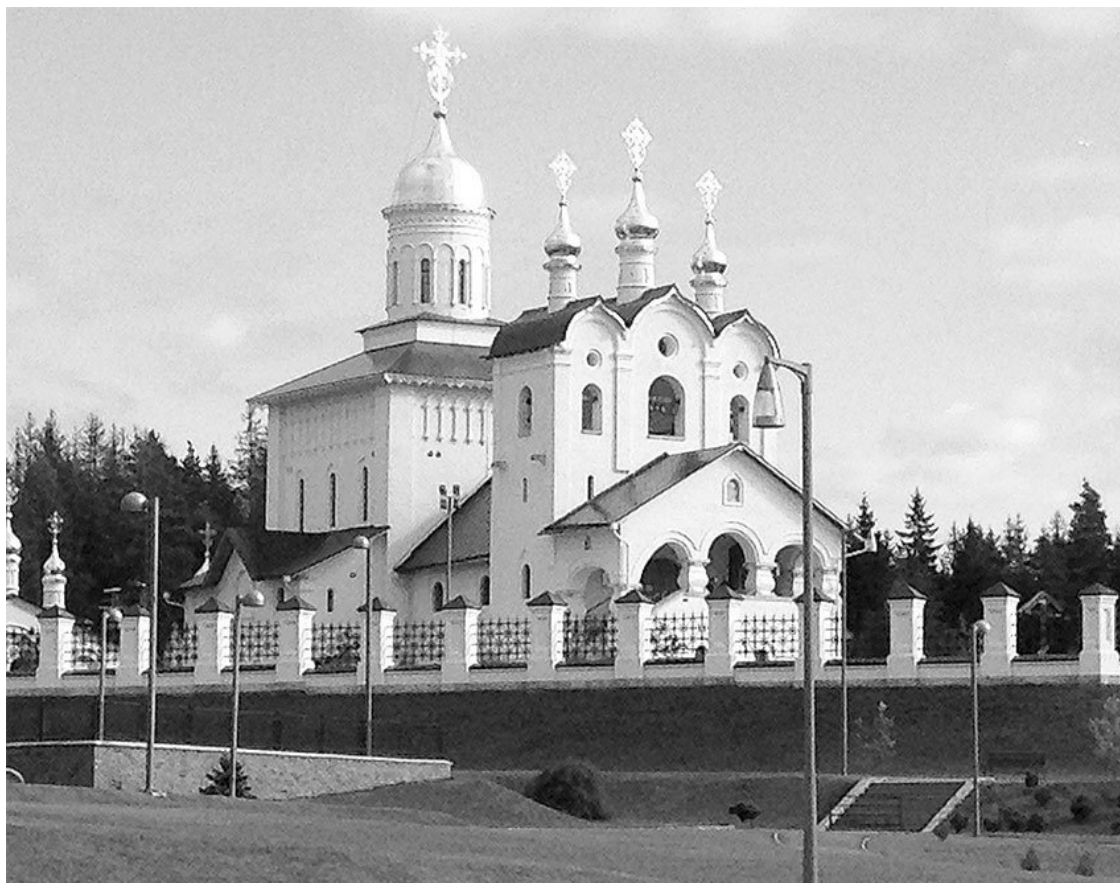
и в год 25-летия лица, он напишет: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

2. Великолепное Веледниково

В словаре Даля старинное русское слово «велелепие» объясняется как «великолепие», красота. Живописная местность в долине реки Истры, в восточной части Истринского района, в двух верстах ниже по течению Истры включила в свои ландшафтные красоты деревню Веледниково. Очевидно, что название деревни – одного корня с велелепием. Деревня Веледниково входила в состав находящегося поблизости села Павловская Слобода (Павловское), в восьми километрах от железнодорожной станции Нахабино.

В середине XVII века – это вотчина боярина Бориса Ивановича Морозова, крупного государственного деятеля, «дядьки», воспитателя и друга царя Алексея Михайловича. Боярин Морозов был женат на родной сестре царицы Милославской и, таким образом, приходился царю свояком. Его брат, боярин Глеб Иванович Морозов – это муж известной в русской истории Феодосии Прокофьевны Соковниной, героини знаменитой картины Сурикова «Боярыня Морозова». Здесь, близ Веледникова, на реке Белянке, в 1676 году были основаны чугуноплавильные и литейные заводы, принадлежавшие боярину Б. И. Морозову, а затем перешедшие в казну. На заводах делали строительное железо и отливали пушки.

Церковь Сергия Радонежского в Веледникове

С 1664 по 1730 год данная вотчина принадлежала дворцовому ведомству, а затем генерал-прокурору графу П. И. Ягужинскому, в конце XVIII века – его сыну графу С. П. Ягужинскому. В начале XIX века владельцем этих мест стал именитый вельможа, сенатор и министр государственных имуществ, потомственный российский князь Николай Борисович Юсупов, создатель находящейся в соседнем Красногорском районе всем известной усадьбы «Архан-

гельское». Недалеко от Павловской Слободы, у так называемого «Заводского мостика», при впадении речки Рудинки в реку Белянку, в конце XVIII – начале XIX века был расположен хрустальный завод князя Н. Б. Юсупова. Хрустальный завод сильно пострадал в Отечественной войне 1812 года и впоследствии не восстанавливался. В 1935 году Истринский музей провел здесь полномасштабное обследование и раскопки. Обнаруженные слитки и осколки стекла несли на себе юсуповские клейма.

Павловская слобода. Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, перестроена в XIX в. 1662 г.

В Павловской Слободе сохранилась Благовещенская церковь, сооруженная в 1661–1662 годах на боярском дворе Б. И. Морозова. Архитектура здания отмечена монументальностью и красотой. С 1995 года проведен ремонт и реставрация здания; восстановлена аркада верхних галерей, поздние стены в них разобраны, кирпичные главы покрыты медью. В интерьере стены и своды побелены по новой штукатурке, пол составлен из керамических, а в алтаре из мраморных плит. Иконостас выполнен наподобие бывшего здесь старинного иконостаса 1663 года с иконами письма Ивана Владимировича и Филиппа Павлова. Памятник по настоящее время сохраняет высокие художественные достоинства, позволяющие отнести его к наиболее интересным произведениям зодчества своей эпохи.

Портрет Павла Кутайсова. Художник Г. Чернецов

С севера к Павловской Слободе примыкают земли села Рождествена, которым с 1810 года владел граф П. И. Кутайсов, сенатор и гофмейстер, председатель Общества поощрения художеств, петербургский знакомый А. С. Пушкина. Затем эти земли перешли в род князей Голицыных, а с конца 1860-х годов находились в семье графов Толстых. Последними владельцами перед революцией были Танеевы – родственники композитора С. И. Танеева. Сохранилась церковь Рождества Христова 1811–1823 годов – домовая церковь графа Кутайсова, четырехстолпный храм, выстроенный в стиле классицизма с явными чертами казаковской школы.

Церковь Рождества Христова. *Фото В. Вельской*

Интересный факт: эти места были излюбленными для великого русского композитора Александра Порфирьевича Бородина (1833–1887). В 1884 году А. П. Бородин жил и работал на даче в Павловской Слободе и в письмах своих отсюда искренне восхищался природой здешних мест. Сохранилось его письмо от 25 августа 1884 года, в котором композитор не скрывает своего удовольствия: «Местность восхитительная, хорошее купанье, прогулки чудесные и разнообразные».

Александр Порфирьевич Бородин

К этому времени Бородин был уже подлинным богатырем русской музыки. Созданная им в числе других замечательных сочинений симфония № 2 (премьера состоялась 2 февраля 1877 года) с легкой руки музыкального критика В. В. Стасова навсегда получила название Богатырской симфонии. Стасов напишет по этому поводу: «Сам Бородин рассказывал мне не раз, что

в адажио он желал нарисовать фигуру Бояна, в первой части – собрание русских богатырей, в финале – сцену богатырского пира при звуке гуслей, при ликовании великой народной толпы».

В разные годы в Павловской Слободе побывали также такие столпы русской культуры, как А. П. Чехов и П. И. Чайковский, М. П. Мусоргский и А. С. Даргомыжский. Здешние офицерские балы посещал знаменитый художник-пейзажист И. И. Левитан.

С юга с Павловской Слободой граничит село Степановское. Село это было собственностью царя Алексея Михайловича, а затем пожаловано князьям Долгоруковым. В 1799 году Степановское перешло к Петру Бекетову, брату известного просветителя и книгоиздателя Платона Петровича Бекетова, продолжателя дела Н. И. Новикова. Господский дом стоял на холме, поросшем лесом. Очень длинная просека по откосу открывает вид на Истру и долину Москвы-реки. Высокие ели оттеняют пруды, нисходящие несколькими ступенчатыми террасами. От старинной усадьбы остался обширный, но уже изрядно заросший парк, переходящий в лесной массив.

Сохранились также зеленый партер и красивая липовая аллея, приводящая к водной глади большого пруда с группой лесистых островов. Здесь начинается основное украшение парка – террасные пруды различной величины и формы. То широко раздвигающие зеленый массив, то скрытые зарослями, они создают исключительное по живописности чередование открытых и замкнутых пространств. На одной из дамб для укрепления ее высажена дубовая аллея. Близ села Степановского жил и работал поэт Леонид Мартынов (1905–1980) – яркий представитель философской лирики. Здесь им написано стихотворение «Пейзаж»:

Держайте, чтоб стремилось небо
На ваши грезы стать похожим
Не только лишь на полотне бы,
Но и в действительности тоже.

В конце XVIII века Веледниково сделалось владением статской советницы Дарьи Ивановны Козицкой. Дама эта была весьма состоятельной москвичкой и имела в центре Москвы собственный роскошный особняк. Ее фамилии обязан своим названием Козицкий переулок в Москве, тот, что идет параллельно Страстному бульвару и соединяет Тверскую улицу с Большой Дмитровкой. Вплоть до середины XIX века она, а затем ее дочь графиня Александра Григорьевна Лаваль (1772–1850) являются хозяевами и продолжают украшать и без того прелестное Веледниково. В семье процветал культ императрицы Екатерины Великой.

Сохранился альбом графини Лаваль с цитатой на первой странице из журнальной статьи А. С. Пушкина, в которой звучит то же слово – великолепие: «Если царствовать – значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали». Надо сказать, что и само Веледниково стало именоваться селцом Екатерининским, Веледниковом тож.

Александра Григорьевна Лаваль

Предок статской советницы, умнейший Григорий Васильевич Козицкий состоял у императрицы Екатерины II статс-секретарем по принятию прошений. Он же считался издателем журнала «Всякая всячина», хотя журнал этот издавала сама царица. Григорий Васильевич женился на наследнице богатого волжского промышленника Екатерине Ивановне Мясниковой. Он умер в 1775 году, и вскоре младшая дочь его Анна вышла замуж за вдовца, весьма знатного вельможу князя А. М. Белосельского-Белозерского. Как тут не вспомнить прекрасный дворец этих князей в Петербурге, на углу Невского проспекта и Фонтанки, построенный архитектором А. Штакеншнейдером в стиле барокко XVIII века!

Дворец Белосельских-Белозерских в Петербурге. *Фото В. Вельской*

Зинаида Александровна Волконская

В семье выросла дочь князя Белосельского-Белозерского от первого брака Зинаида, впоследствии княгиня Зинаида Александровна Волконская (1789–1862), хозяйка знаменитого литературно-музыкального салона на Тверской. Здесь ныне расположен известный Елисеевский гастроном, а в салоне пушкинской эпохи побывал некогда весь культурный цвет Москвы. У потомков Волконской в Нью-Йорке поныне хранится автограф посвященного ей стихотворения Пушкина «Среди рассеянной Москвы» (1827), а в парке ее виллы в Риме установлен бюст великого поэта. Вот эти стихи, написанные великим поэтом в мае 1827 года и озаглавленные им «Княгине З. А. Волконской при посылке ей поэмы «Цы ганы»:

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.

Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется, и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани.
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

«Двойной венец», которым Пушкин в стихах своих украшает чело княгини Волконской символизирует тот факт, что княгиня была и поэтессой, и певицей. А знаменитую итальянскую певицу Анджелику Каталани Пушкин слушал в один из ее приездов в Москву. Тогда она рассказывала, как случайно заслушалась в дороге пением простой цыганки из бродячего табора.

Екатерина Ивановна Трубецкая

Возвращаюсь к имени А. Г. Козицкой, в замужестве графини де Лаваль. Муж ее, французский эмигрант, звался в России Иваном Степановичем и сделал блестящую карьеру. Он стал камергером и тайным советником. Наведываясь в Москву, семья, как правило, посещала свое любимое Веледниково. Но жили они в основном в Петербурге. На Английской набережной у Сенатской площади архитектор Тома де Томон построил для них дошедший до наших дней дворец. В нем в свое время побывали Пушкин и Грибоедов, Мицкевич и Лермонтов. Именно об этом доме Лавалей пишет Пушкин в поэме «Медный всадник»:

Тогда на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые...

На этом не заканчивается созвездие ярких имен русской истории, потомков Козицких. Ведь одна из дочерей Лавалей – это княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая (1800–1854), последовавшая в 1826 году за мужем, полковником-декабристом князем С. П. Трубецким в ссылку в Сибирь. Она стала героиней поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины. Княгиня Трубецкая»:

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок;
Сам граф-отец не раз, не два
Его опробовал сперва.
Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.
Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость в ноги стлал,
Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок
И – зарыдал... Княгиня-дочь
Куда-то едет в эту ночь...

И во второй половине XIX века Веледниково продолжает сохранять свой высокий владельческий статус. Хозяевами тут сделались графы братья Девиеры, полковник Александр и штаб-ротмистр Константин Михайловичи. Они вели свой род от первого генерал-полицмейстера Петербурга, женатого на сестре А. Д. Меншикова, ближайшего сподвижника Петра I. Интересно, что последний перед революцией владелец Веледникова в самую фамилию свою словно вписал красоту и пригожесть этих мест. Его звали Василий Тимофеевич Живописцев.

Он проживал в двухэтажном кирпичном доме, с чайной и торговой лавкой на первом этаже. Ему же принадлежали большие участки леса и окрестные луга. После революции дом национализировали, хозяина с семьей выселили в пристройку. И сейчас в Павловской Слободе живет его дочь Ольга Васильевна Маслакова. А вокруг Веледникова раскинулись тоже по-своему великолепные коттеджные поселки: «Усадьба Веледниково» и «Веледниково делюкс». Веледниково продолжает щедро делиться своими красотами с людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.